

Мартьянов Д. С.

ОТ СЕТЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ К ПОЛИТИКЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СМЕНА ПАРАДИГМЫ?

В статье анализируется трансформация феномена сетевой идентичности. Автор рассматривает основные термины, связанные с концепцией сетевой идентичности, и выделяет два вектора развития сетевой идентичности: деидентификацию и гиперидентичность. Сетевая элита выделяется как группа, конструирующая сетевую идентичность. Рассматриваются концепты сетевой политической идентичности и групповой политической идентичности участников виртуальных сетевых сообществ, переход от politics of identity к policy of identity. Библиогр. 26 назв.

Ключевые слова: идентичность, Интернет, Интернет-сообщество, политика идентичности, политическое сознание, сетевая идентичность, управление Интернетом.

Martyanov D. S.

FROM NETWORK IDENTITY TO POLICY OF IDENTITY IN THE INTERNET: NEW PARADIGM

The article analyzes the transformation of the phenomenon of network identity. The author examines the basic terms associated with the concept of network identity and highlights two vectors of network identity: deidentification and hyperidentity. Network elite stands out as a group constructing network identity. The article discusses the concepts of network of political identity and group political identity of the participants of virtual network communities. The author examines the transition from the politics of identity to the policy of identity. Refs 26.

Keywords: identity, the Internet, cybersociety, politics of identity, polity of identity, network identity, Internet governance.

Проблематика сетевой идентичности в современном мире является, с одной стороны, чрезвычайно значимой, а с другой — весьма подвижной. В. Л. Римский отмечает, что «для многих современных индивидов принадлежность к сетевым группам является более реальной, чем принадлежность к тем группам в реальном мире, в которые их включают социологи» [1, с. 96], а по мнению Дж. Урри, в Интернете как в «текущем пространстве невозможны раз и навсегда определенные идентичности» [2, с. 64].

Цель данной статьи — выявить динамику концептуализации сетевой идентичности в соответствии с переменами, происходящими в сети Интернет ввиду технологических, социальных и политических факторов. Важными вопросами в этом свете видятся следующие. Кто является коллективным носителем сетевой идентичности в политологическом контексте? Каково соотношение сетевой идентичности с другими идентичностями: коллективной, политической, глобальной и т. д., и в чем заключаются проблемы разграничения этих идентичностей? Что происходит с сетевой идентичностью в связи с трансформацией социальных отношений в Интернете, меняется ли сущность этого явления?

Мартьянов Денис Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; dsmartyanov@mail.ru

Martyanov D. S. — Ph.D., Associate Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; dsmartyanov@mail.ru

Природа сетевой идентичности

Л. А. Фадеева выявляет два подхода к рассмотрению сетевой идентичности. С одной стороны, сетевая идентичность связана с отождествлением, которое производит пользователь в отношении групп, созданных в Интернете, а с другой — является разновидностью пространственной идентичности в киберпространстве [21, с. 67].

Е. В. Летов выделяет несколько признаков сетевой идентичности: существование в рамках киберкультуры; реализация себя в рамках виртуальных сообществ; отождествление себя с «людьми сети», имеющими достаточно высокий уровень владения компьютерными технологиями, стилевыми и языковыми особенностями коммуникации; влияние «субкультуры хакеров», выступающей как объективный (но не всегда обязательный) идентификационный признак; обособленность индивида от других членов социума. Сетевая идентичность — результат развития субкультуры хакеров, усложненная, *открытая* идентичность, которая позволяет человеку «представляться» по-особому и реализовывать себя нестандартным образом, сообразно принципам и нормам, которые являются общепринятыми в киберпространстве [4, с. 63–64]. Е. И. Горошко, описывая понятие *открытой идентичности*, отмечает, что «под этим термином понимается такое состояние идентичности, для которого характерен поиск альтернатив дальнейшего развития... множественность виртуальных идентичностей может быть связана... с открытостью реальной идентичности» [5, с. 16].

Е. П. Белинская отмечает большие возможности сети в сравнении с реальным миром. «Сетевая идентичность... не только выражает нечто, уже имеющееся в личности, но может быть и стремлением испытать нечто ранее не испытанное» [6]. Г. Рейнгольд отмечал в качестве причин актуализации сетевой идентичности так называемый голод сообщества, возникающий из-за дезинтеграции традиционных сообществ [3, с. 68].

Как мы полагаем, Интернет на ранних этапах своего развития предполагал два новых вектора развития феномена идентичности. Первый — *деидентификация*. Происходит «великий отказ» от индивидуальной идентичности путем замены внешних атрибутов анонимностью. В то же время происходит отождествление себя с другими анонимами, т. е. порождается коллективная идентичность в рамках анонимной культуры. Результатом становится «смерть» традиционной политики и традиционной экономики. Объект власти оказывается растворен, вектор воздействия власти теряется, оказывается ненаправленным. Субъект управления, оставшись без объекта, теряет свой смысл.

Второй — *гиперидентичность*, как перманентный маскарад, постоянное воплощение индивида. Гиперидентичность при внешнем отличии достаточно близка деидентификации, поскольку субъект управления вновь оказывается без объекта, так как многоликий объект остается текучим, его невозможно зафиксировать, идентифицировать «раз и навсегда».

Индивидуальная и коллективная идентичности

Вопрос о субъекте, носителе сетевой идентичности тесным образом связан с отношением сетевой идентичности с индивидуальной и коллективной идентичностями. При этом в исследованиях сетевой идентичности политико-психологический

подход явно доминирует над политико-социологическим. Е. И. Горошко отмечает, что проблематика трансформации социальной идентичности в условиях информационного общества может быть сформулирована на трех уровнях: личности, группы и общества [5, с. 14]. Таким образом, носителями сетевой идентичности могут выступать как отдельные индивиды, так и сообщества и макросообщества. В качестве последних мы бы выделили виртуальные сообщества и глобальное интернет-сообщество. И если для небольших виртуальных сообществ характерны свои более узкие идентичности, то для интернет-сообщества характерна идентичность, которая в определенной степени объединяет всех, кто активен в *киберпространстве* и разделяет основные принципы и правила сетевой коммуникации.

А. Г. Дугин, говоря о современном обществе, рассуждает в категориях постполитики и называет одной из ее базовых характеристик сингулярность. Под сингулярностью понимается строгий отказ от любых форм коллективной идентификации и их делегитимация. Сингулярность, по Дугину, предполагает идентификацию только при условии, что она это осуществляет в индивидуальном порядке [7]. Это во многом затрудняет выделение политической идентичности в виртуальной реальности, поскольку «политичность» в традиционном ее понимании всегда существует в рамках социальности, а не сингулярности. Но в то же время широкие (или в широком смысле «массовые») кампании в стиле протестов против билля о благопристойности в 1996 г. говорят о том, что сеть воспринимается и как социальный, и как политический (практически в «классовом» смысле — как объединенный общими интересами, обладающий особыми правами и ценностями «класс» интернет-пользователей) феномен.

Обычно в формировании коллективной идентичности особую роль играют история и культура. Однако в отношении сетевой идентичности нужно учитывать ряд нюансов. Поскольку Интернет является постмодернистским феноменом, его история не претендует на статус метанарратива, оставаясь на задворках наряду с другими локальными нарративами. В то же время, как отмечает В. И. Пантин, в современном обществе коллективные идентичности в меньшей степени формируются стихийно, а в большей — конструируются различными группами интеллектуальной и политической элиты [8, с. 31]. Р. Брубейкер, анализируя этнические конфликты, отмечает особую роль организаций (а не собственно этнических групп) как главных двигателей этнического конфликта [9, с. 40]. Данная логика экстраполируема и на сетевые процессы. Именно организации и сетевая элита являются наиболее заметными «двигателями», созидающими сетевую идентичность. Именно акции хакеров формируют представление о политическом хактивизме, а манифесты отдельных идейных групп — представление о политических идеологиях в сети Интернет.

Хотя, безусловно, сетевая элита претендует на статус «хранителя Истории Сети», на этапе массовизации сети в начале XXI в. ценности, разделяемые «сетевиками», растворяются. В определенный момент такая же проблема случается и с киберкультурой. Помимо массовизации как фактора, осложняющего формирование единой сетевой идентичности, важным фактором здесь становится сетевое время — нелинейный процесс, протекающий в каждом конкретном виртуальном сообществе по своим собственным законам. Поэтому главным компонентом сетевой идентичности остается все-таки пространство. В то же время это пространство в силу своей текучести может реконструироваться, утрачивая свое прежнее содержание.

Пространственная идентичность

В. В. Наумов характеризует Интернет как «автономное социальное пространство». Автономность заключается в организации этого пространства на основании собственных законов [10]. Наумов здесь следует логике П. Бурдьё, выделявшего отдельные социальные поля, и рассматривает Интернет как особое социальное поле наряду с политикой, экономикой, религией и образованием.

Е. П. Белинская, замечая, что виртуальный мир субъективно воспринимается именно как пространство, акцентирует внимание на том, что пользователи «описывают свое пребывание в Интернете как “путешествие”» [6]. Таким образом, Интернет — пространство динамичное. М. Бенедикт говорит о том, что киберпространство — область чистого движения [2, с. 112]. Люди не проживают в определенном месте, а постоянно пребывают в канале движения. Говоря языком З. Баумана, если для пространства модерна характерна твердость, позволяющая закреплять политические институты в рамках национального государства, то для киберпространства характерна текучесть, возникновение в которой институтов затруднительно. Гражданина здесь заменяет номад с его многоликой идентичностью.

Под пространственной идентичностью подразумевают отношение людей, проживающих в определенном месте, к этому месту и складывающиеся в связи с этим определенные стратегии поведения [11]. Пространственная идентичность — термин более широкий, чем территориальная идентичность, в силу чего концептуализированный не столь четко и, как правило, выступающий скорее как обобщающее понятие. В то же время пространственность в отличие от территории не столь тесно связана с «физичностью».

Ю. Бедаш, отмечая, что любая идентичность по сути пространственная, вводит понятие «экзистенциальная пространственность», которая является не пространственностью телесности и восприятия, а пространственностью понимания и значимости. Отсюда противоречивость пространственной идентичности. Цитируя Б. Вандельфельса [12], она замечает [13], что в эпоху глобализации телесное «здесь» все настойчивее демонстрирует диффузный и противоречивый характер, проявляющийся в том, что, с одной стороны, оно расширяется до смутной пространственности, превращаясь в неподдающееся локализации «всюду», свободное от всякой ситуативности, а с другой — сужается до определенного «где-то», фиксированной точки пространства. Бедаш заключает, что девальвация пространственных ощущений ведет к разрушению границ телесного «здесь» [13].

На проблемные места концептуализации «сетевой идентичности» указывает близкое ей понятие «глобальной идентичности». Как отмечает Н. Н. Федотова, проблема концептуализации обусловлена отсутствием, по крайней мере при первом рассмотрении, противопоставления глобальной идентичности какой-либо другой. «Идентичность становится релевантной в тех условиях, когда устанавливаются границы и проводятся исключения, и в связи с этим она тематизируется маргинальными или исключенными группами» в большей степени, чем большинством, склонным «к универсалистской аргументации, в которой нет места партикулярности» [14, с. 9]. Эта проблема распространяется и на сетевую идентичность. Если мы мыслим в рамках киберпространства, заселенного сплошь носителями этой идентичности, то кто же в таком случае выступает в роли Другого?

Определение Другого является обязательной стадией идентификации, так как самооценка, определение «Я» возможно только после прохождения стадии «зеркала» [15, с. 43]. Интернет-сообщество в этой логике должно противостоять некой группе «других», т. е. «непользователей». В реальном мире это нашло свое отражение в противопоставлении «сетевой идеологии» идеологии «антисетизма». Однако антисетизм, даже если отбросить факт маргинальности этого течения, оставался «оффлайн-идеологией». Противостояние «Мы — Другие» оставалось невозможным хотя бы потому, что «свои» и «другие» находились в разных, изолированных друг от друга мирах.

В то же время столкновение с непользователями все-таки имеет место быть в рамках так называемого электронного фронта, где неопиты, постепенно приобщаясь к ценностям виртуального мира, превращаются в полноценных интернет-пользователей. Однако здесь логичнее говорить о постепенной социализации в духе прививания существующих паттернов в контексте парсоновского «нашествия варваров» [16, р. 208], которыми выступают новые поколения пользователей.

Политическая идентичность в сети Интернет vs сетевая политическая идентичность

Л. А. Фадеева отмечает наличие двух позиций в оценке роли сетевых сообществ. Согласно первой из них (оптимистической), сетевые коммуникации помогают формированию сетевых сообществ независимых и свободно мыслящих граждан даже в условиях обществ с ограниченной свободой, в результате чего сетевая идентичность способствует усилению гражданской идентичности. Вторая (пессимистическая) позиция заключается в том, что сетевые идентичности облегчают манипулирование людьми со стороны недемократических властных структур [3, с. 68]. Однако на наш взгляд, в данном случае происходит излишнее увязывание сетевой идентичности с традиционными политическими факторами при полном игнорировании альтернативной природы социальной идентичности. Виртуальная идентичность в принципе способствует политическому эскапизму. Сетевая идентичность не возникает только из-за того, что коммуникация протекает через сеть, так как не выделяют телефонную, телевизионную или радиоидентичности, поэтому и говорить о сетевой идентичности того или иного сообщества только потому, что оно координирует действия через Интернет, нельзя. Сетевая идентичность предполагает соответствие сетевым принципам и свое собственное понимание *природы политическо-го как структурирующей социальность телеологического принципа*.

В отечественной политической социологии была предпринята попытка концептуального анализа политической идентичности в сети Интернет с позиций институционализма и структурного функционализма. С. В. Бондаренко отмечает, что «в настоящее время в киберпространстве конструкт “политическая идентичность” не стал элементом категориальной схемы» [17]. По его мнению, это обусловлено тем, что академическое сообщество не осмыслило даже базовые феномены киберпространства.

С. В. Бондаренко не использует термин «сетевая политическая идентичность», оперируя гораздо более громоздкой дефиницией «групповая политическая идентичность участников виртуальных сетевых сообществ», под которой он понимает

«ощущение групповой сплоченности, основанное на эмпатии, приверженности групповым социальным ценностям, доверии и общем идеологическом дискурсе» [17]. Однако дефиниция Бондаренко в то же время более конкретна, чем просто «сетевая политическая идентичность», поскольку сосредотачивается на мезоуровне, не относя к себе ни индивидуальные сетевые идентичности, ни интернет-сообщество в широком смысле этого слова. В то же время речь не идет обязательно о какой-то специфической интернет-идентичности. Интернет, сеть, киберпространство выступают лишь как фон, но не как оказывающая воздействие среда. Бондаренко отмечает, что «политическая идентичность сегодня складывается из образов, формируемых не только в офлайне, но и в онлайн» [17]. В то же время сетевая политическая идентичность должна предполагать политическую идентичность, сконструированную в соответствии с сетевыми принципами, как, например, можно увидеть в случае с пиратскими партиями.

Сетевая и виртуальная идентичности

Отметим, что в современных социальных науках параллельно используются сразу несколько категорий, которые стремятся зафиксировать феномен идентичности, возникающей в процессе общения между людьми посредством компьютерной техники. Наиболее активно наряду с мобильной идентичностью [18], электронной идентичностью [19], онлайн-идентичностью [20] или киберидентичностью [21, с. 73; 22, с. 71] выделяют сетевую и виртуальную идентичности.

С одной стороны, поверхностный анализ категорий «сетевая» и «виртуальная идентичность» показывает, что хотя и нет единого взгляда на феномен, поскольку каждый исследовательский подход высвечивает определенные нюансы, характерные для конкретного авторского взгляда, в то же время, если огрублять эти подходы, то станет очевидным, что данные термины используются для характеристики одного и того же феномена. С другой стороны, очевидно и то, что понимание идентичности через категории «виртуальность» и «сеть» подразумевает рассмотрение этих категорий с позиций принципиально разных парадигм, достаточно устоявшихся в социогуманитарном знании и имеющих разные коннотации.

В этом ключе интересна попытка разграничения двух этих категорий, реализованная А. Е. Войскунским, который, отдавая предпочтение термину «сетевая идентичность», отмечает, что было бы полезнее «закрепить наименование “виртуальность” не за всякой активностью онлайн, а за поведением, связанным именно и только с применением технических систем виртуальной реальности — виртуальных миров, конструируемых посредством программ компьютерной графики и демонстрируемых с помощью специальных средств отображения... к тому же в существенной мере опирающихся на технические устройства регистрации положения человека в пространстве» [23, с. 100]. И хотя, на наш взгляд, такой подход излишне сужает понимание «виртуальность», оставляя ее только в рамках продуктов специальных графических средств и игнорируя, например, текстовые виртуальные миры, сам вектор такого сужения верен.

Е. И. Горощко отмечает, что «сегодня некоторые ученые, изучающие данную проблематику, вводят понятие коммуникативной виртуальной идентичности, акцентируя внимание на том факте, что идентичность всегда соотносится с чем-то или

с кем-то, так как имеет интерсубъективную природу» [5, с. 17]. Однако нам состоятельность данного термина представляется весьма сомнительной, поскольку если все идентичности возникают в процессе коммуникации, то в чем необходимость выделения этого признака в качестве видового?

В целом же следует согласиться с Л. Ф. Косенчук в том, что в современных условиях и сетевая, и виртуальная идентичности в том виде, в котором их по-прежнему пытаются концептуализировать большинство исследователей, уже не представляются актуальными феноменами [24], поскольку в условиях господства ресурсов Веб 2.0 все то, что составляло основу, специфику такого рода идентичностей уже перешло в разряд характеристик идентичностей достаточно маргинальных групп в том же киберпространстве. Но что же в таком случае заменяет сетевую идентичность? И идет ли речь о нивелировании интернет-сообщества как ее носителя?

К политике идентичности в Интернете

Итак, эпоха Веба 2.0, связанная с распространением сначала блогов, а потом и социальных сетей, а также сайтов типа вики, Youtube и т. п., вместе с активной политикой устранения «цифрового неравенства», распространением широкополосного Интернета и бурным ростом числа интернет-пользователей по всему миру привели к массовизации Интернета — наполнению сети огромным количеством людей, далеких от киберкультуры. Прежние виртуальные агенты социализации не смогли совладать с этим «варварским нашествием», что привело к определенному сдвигу в рамках сетевой культуры. Анонимность как ценность была поставлена под сомнение и в ряде случаев стала осуждаться, а с распространением социальных сетей не только анонимность, но даже гиперидентичность стали неконвенциональными с точки зрения правил ресурсов Веб 2.0 явлениями. Виртуальные идентичности стали все чаще заменяться реальными.

Изменились типичные интернет-маршруты пользователей. Если раньше киберпутешествие предполагало сценарий веб-серфинга по всему киберпространству, то теперь социальные сети стали стараться удерживать пользователей внутри себя. И хотя внутри социальных сетей начали возникать виртуальные сообщества, по своей природе они уже были куда менее «виртуальными», чем в первом вебе. Постепенно произошел переход от коллективной «идентичности сообществ» к индивидуальной *идентичности повесток дня*. В этом контексте для политических маркетологов наступает «золотой век», когда доступные для изучения информационные маршруты целевых аудиторий позволяют конструировать простые и легко осуществляемые стратегии политического PR.

В то же время массовизация и девиртуализация совпали с возрождением национальных государств в результате кризиса глобализации [25, с. 235]. Ревизия регулирования сети привела к возникновению новых моделей «управления Интернетом», предполагающих постепенную национализацию «интернетов» (так называемая балканизация). Все большую роль в сети стали играть гражданская и традиционная политическая идентичности. Стала проявлять актуальность ранее нивелированная территориальная идентичность.

Если раньше политика идентичности слабо реализовывалась из-за того, что сам статус «сетевой элиты» как главного актора входил в конфликт с постмодернистской

децентрализованностью сети, для которой само деление на элиты и массы выглядело анахроничным, то теперь наметилась тенденция к переходу от так называемой *politics of identity*, которая проводилась идеологическими группами внутри «сетевой элиты», к *policy of identity* [26], выступающей как курс национальных правительств.

Таким образом, можно ставить вопрос о необходимости реконцептуализации понятия «сетевая идентичность». Налицо нивелирование тех смысловых аспектов данной категории, которые связаны с «виртуальностью». Хотя пока сохраняется ценностное наполнение старой сетевой идентичности в рамках программ международного пиратского движения и отдельных деятелей-киберанархистов вроде Дж. Ассанджа, сама целостность глобального интернет-сообщества оказывается под угрозой в результате начавшейся «балканизации» сети и укрепления лингвистического плюрализма [20, с. 115]. Меняется характер сетевой идентичности на среднем уровне: виртуальные сообщества трансформируются в «сообщества по сетевому принципу». Также меняется и индивидуальная сетевая идентичность, поскольку анонимность заменяется сетевым нарциссизмом, стремлением к успешной самопрезентации, «продаже себя», стремлением перейти из менее статусных сетей в более статусные (как, например, в LinkedIn). В целом можно говорить о коренной трансформации сетевой идентичности, обусловленной объективными процессами, меняющими сущность Интернета как феномена.

Литература

1. Римский В. Л. Понимание идентичности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 1 (99). С. 86–96.
2. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильностей для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
3. Фадеева Л. А. Сетевая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 1. С. 67–69.
4. Летов Е. В. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества // Вестник МГУКИ. 2013. № 4. С. 62–65.
5. Горошко Е. И. Коммуникативная виртуальная идентичность: гендерный анализ // Филологические заметки. 2009. Т. 2. С. 10–21.
6. Белинская Е. П. Пространство, населенное другими // InterNet magazine. № 16. URL: <http://gagin.ru/internet/16/28.html> (дата обращения: 19.06.2014).
7. Дугин А. Г. Философия политики. М.: Арктогея, 2004. 614 с.
8. Пантин В. И. Коллективная идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. М.: Российская Политическая Энциклопедия (РОССПЭН), 2012. Т. 1. С. 29–33.
9. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
10. Наумов В. В. Взаимосвязь социального пространства интернета и территориального сообщества: на примере Хабаровского края: дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск, 2013. 150 с.
11. Пространственная идентичность как политическая стратегия при «присвоении» городских районов. URL: <http://hotelhusabarcelonamar.com/prostranstvyennaya-identichnost-kak-politicheskaya-strategyiya-pri-prisvoenii-gorodskih-rayonov/> (дата обращения: 10.07.2014).
12. Waldenfels B. Leibliches Wohnen im Raum // Schroeder G., Breuniger H., Hrsg., Kulturtheorien der Gegenwart. Frankfurt, New York: Campus, 2001. S. 179–201.
13. Бедаш Ю. Пространственная идентичность в эпоху глобализации // Топос. 2006. № 1 (12). URL: moydocs.ru/kultura/28109/index.html (дата обращения: 18.07.2014).
14. Федотова Н. Н. Формируется ли глобальная идентичность: методологические размышления // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 8–14.
15. Попова О. В. Россия как «другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2008. № 4. С. 43–50.
16. Parsons T. The social system. Glencoe, IL: Free Press, 1951. 360 p.

17. *Бондаренко С. В.* Политическая идентичность в киберпространстве // Политическая наука. 2005. № 3. С. 76–92. URL: <http://www.dzvalosh.ru/01-comm/statii/bondarenko.htm> (дата обращения: 12.07.2014).
18. *Poster M.* CyberDemocracy: Internet and the public sphere. Irvine: University of California, 1995. URL: <http://www.hnet.uci.edu/mposter/writings/democ.html> (дата обращения: 15.08.2014).
19. *Viseu A.* A multidisciplinary approach to the mutual shaping process in electronic identities or «We shape the tools and thereafter they shape us» McLuhan. 1999. URL: http://www.yorku.ca/aviseu/eng_id-shaping_content.html (дата обращения: 15.08.2014).
20. *Мартыянов Д. С.* Лингвистический сепаратизм и этническое сознание в контексте управления интернетом // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–1 (32). С. 113–115.
21. *Одегова О. В.* Многоликость персональной и этнокультурной идентичности в условиях глобализации культуры // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2011. № 3. С. 41–46.
22. *Суковатая В. А.* Киборг: «оживший мертвый» или «мертвый живой»? Тело и его трансгрессии в пространстве цифровой культуры: панорама образов // Международный журнал исследований культуры. 2012. № 3(8). С. 69–73.
23. *Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю.* Сетевая и реальная идентичность: сравнительное исследование // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 2. С. 98–121.
24. *Косенчук Л. Ф.* Концепции виртуальной или сетевой идентичности: критический анализ // Современные проблемы науки и образования: Электронный научный журнал. 2014. № 5. URL: www.science-education.ru/119-14630 (дата обращения: 15.08.2014).
25. *Мартыянов Д. С., Мартыянова Н. А.* Дискурсивные аспекты этнической идентичности в интернете // Известия Сочинского государственного университета. 2012. № 2. С. 233–238.
26. *Цумарова Е. Ю.* Политика идентичности: politics или policy? // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. 2012. № 2. С. 5–16.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2014 г.